

Е

СТЬ периферийные театры, упоминать о которых стало чуть ли не хорошим тоном, признанием знания периферии — их сложившийся «имидж» уже не подвергается ни сомнениям, ни пересмотру. Появилась обойма имен, постоянно рекламируемых и среди режиссеров, и среди актеров. Бывает, что целый коллектив или художник давно пережил былую славу, живет на проценты от старого капитала, а их продолжают дружно славить: выбыть из престижной группы лучших так же трудно, как и в нее попасть.

Есть в наших критических клише и свои антигерои, вечные примеры хроников — больших, склочных или бездомных театров.

Поэтому мне хочется поговорить о другом, точнее о других, не избалованных ни хвалой, ни хвалой, многие годы остающихся как бы за пределами общественного внимания, а значит, вне объективной оценки и сравнения с другими коллегами.

Речь пойдет о Курском драматическом театре.

День за днем смотрела я у них «Поминальную молитву», «Волки и овцы», «Зимнюю сказку», «Госпожу министершу». На афише у них «Крестный отец» (спектакль, идущий два вечера), «Воском по парку», другие названия, остающиеся стойкое желание вернуться и досмотреть все, что у них есть. Сегодня театрам трудно сохранять достоинство, не поддаться панике и не делать уступок ради кассы и в выборе пьес, и в уровне вкуса. Купляю это, по моему, удастся. Каждый из увидевших спектаклей стоит подробного разговора, их трудно сравнивать даже один с другим. И все-таки есть у них нечто общее: прекрасные актерские работы и еще более редкое по нынешним временам богатство ансамбля.

Конечно же, и у них есть свои лидеры, звезды, ничуть не теряющиеся на общем небосводе. И первый — Валерий Ломако, высокий седой красавец, чьи актерские создания отмечены печатью особого благородства, значительности, породы.

Его Бернутов воистину беркут, и хотя появляется в имени Муравецкой чуть ли не под занавес, не остается сомнений, что именно он здесь — хозяин положения. Выразительные же средства актера в этой роли минимальны: скупой, но быстрый, цепкий жест, рубленая фраза, вдруг блеснувший из-под прищипленных ресниц взгляд. А Лайзер-Волф — тоже деловой человек, но из крошечной Анатолки, скромный коммерсант, незадачливый жених, безумно смешной, трогательный и порядочный при всем коимизме доставшейся ему в «Тевье-молочнике» жителю ситуации. Кажется, такую яркую внешность, сильную индивидуальность не спрятать, не изменить, но, оставаясь верным себе, актер создает разные и

тоже резко индивидуальные сценические характеры.

Главный режиссер Курского театра Юрий Бурз мечтает поставить с В. Ломако «Отелло». Что же? У них уже была общая работа — Арбенин в «Маскараде». Теперь в репертуаре актера еще один режиссер из заочной шекспировской «Зимней сказки» (режиссер Александр Смеляков) Леонт, где все происходящее — то ли явь, то ли выдумка, озорство, игра, но и подлинные людские страдания от страстей своих, одна из которых едва ли не самая мучительная — ревность.

Актеры не выбирают себе роль. Они зависимы. Поэтому так важно, с каким творческим руководителем сведет их всемогущий для театральной периферии случай, в какой мере

Хочу признаться в любви

будет основывать тот свою ответственность за вверенные ему судьбы, как сумеет ими распорядиться. Курским артистам, по моему, повезло с Юрием Бурзом, учеником М. Чехова и А. Попова, выходящим из актерской семьи, с детства научившимся любить и ценить актеров. Актерам посчастливилось с режиссером, режиссеру — с актерами. Наверное, такая гармония обязательна для успешной деятельности театра.

Чего стоил бы один Ломако, не будь рядом с ним и в «Тевье-молочнике», и в «Волках и овцах», и в «Зимней сказке» таких партнеров, как Лариса Соколова, Людмила Скорodel, Евгений Поплавский, Сергей Крутов, Инна Кузменко.

Воспиту только на периферии — в этом музее и счастье провинциальной актерской жизни — можно ежевечерне выходить на сцену, меняя возрасты, эпохи, костюмы, характеры, находя в себе такое многообразие стилей и жизней, какое не принесит столько же бальным профессиям.

Лариса Соколова — совершенно неожиданная Муравецкая — молодая, красивая, хоть и седоволосая, но скорее не от лет, а от имиджа деловой дамы. Она же — Голда в «Тевье-молочнике». Другой, национальный характер, другой образ, наполненный неизбывным материнским чувством, вечной озабоченностью, вековой женской мудростью! Ее же Гермiona — вовсе третья...

Или Людмила Скорodel — очаровательно вздорная юная Дара в «Госпоже министерше», зрелая умная, избрательная Паулина в «Зимней сказке», простодушная до наивности, не очень молодая, но с младенческим умом Кулапина Остроковского. И все они вместе: мягкий, обаятельный Е. Поплавский, чуть-чуть излишне обстоятельный, но такой русский и всегда умеющий оставаться органичным С. Крутов, сочная, яркая И. Кузменко, которую порой захлестывает собственный темперамент, а могла бы перечислять почти всех артистов, — не просто собрание индивидуальностей, а коллектив, труппа!

Сегодня отчаянно нантрал И. Лузин в Аполлоне Муравецком, а завтра вдруг заблестит в крошечной, ставшей благодаря ему заметной роли Антониона в «Зимней сказке»...

И так изо дня в день, из вечера в вечер...

Как хочется мне признаться в любви многочисленным российским артистам подвижникам, и тем, кого я видела, и с кем не успела познакомиться, тем, о ком писала, а еще больше, о ком не успела, не сумела написать.

Днем — совсем не роскошные квартиры, трудный быт, порой безденежье: попробуй, сохрани себя в этих условиях жизнелюбивым, красивым, талантливым, а ведь сохраняют!

Кстати, в Курском театре вот уже много лет одна из самых высоких по России посещаемость спектаклей, по восьмидесяти — девяносто процентов. Когда этим летом гастролеровали у своих соседей в Орле, то тоже собирали полные зрительные залы. Конечно, это и организационные усилия, но прежде всего интересные спектакли и отменные артисты.

Анна КУЗНЕЦОВА.

Журан и сыма. — с 6-7